

осознает. Через двадцать лет ей очень понадобится психотерапия. Вы еще молоды, начните это дело, а я помогу. Жаль, что мы не прислушались. Он, в отличие от нас, далеко видел вперед.

При всей своей доброте, сочувственном понимании, симпатиях, антипатиях Федор Дмитриевич, когда нужно, занимал объективную позицию, становился, как сказал бы М. М. Бахтин, в позицию вненаходимости. Помню, как он решительно встал на защиту пациентов психиатрических клиник. Речь шла об одном откровенном мерзавце, и кто-то предположил, что он психически болен. Федор Дмитриевич, посуровев, сказал, что психиатрия — это не паноптикум моральных уродов. Никакую болезнь он не считал стыдной и советовал, во-первых, не стесняться болезни, во-вторых, не подчиняться ей. Сам он говорил, что его астма ничему в жизни не помешала, он никогда ей не поддавался.

Всего несколько слов о книге. Надеюсь, она уже прочитана. В нашей отечественной традиции, к сожалению, не так много работ, в которых бы органически соединялись психология и искусство. Можно указать на Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, Н. Н. Волкова, Б. М. Теплова, М. К. Мамардашвили, давших образцы такого соединения. Когда я говорю об органичности, то это нечто большее, чем привлечение произведений искусства для иллюстрации тех или иных мыслей. Речь идет о том, что искусство на десятилетия, а то и на столетия опережает науку в познании человека и может служить источником эвристик идей и знаний о нем. Что еще более важно, оно содержит живое знание о человеке и может служить образцом для науки. Человек ведь узнает себя в произведении искусства. Хорошо бы узнавать себя и в научном произведении, прежде всего в психологическом.

Книга Федора Дмитриевича, несомненно, обладает этим достоинством, так как в ней соединился медицинский и психологический опыт профессионала, огромный жизненный опыт с гуманитарной культурой. Это редкое сочетание весьма и весьма поучительно для молодежи, дерзающей консультировать людей, предсказывать их поведение и деятельность, заниматься диагностикой и лечением. Она полезна и для тех, кто уже занялся этим многотрудным делом. Смерть застала Федора Дмитриевича за работой над книгой. Редакторы не всегда могли реконструировать ход его мысли, поэтому в книге встречаются некоторые огрехи. Читателю следует также учесть, что книга писалась в те годы, когда Федор Дмитриевич в печатном слове не все мог сказать о том, что знал и умел.

1999

Мераб Константинович Мамардашвили: послесловие к дружбе

С Мерабом Константиновичем Мамардашвили меня связывает более чем сорокалетнее знакомство и дружба, пришедшая на последние двадцать лет. Возможно, наше сближение объясняется тем, что я был тесно связан с некоторыми его друзьями, эмигрировавшими из страны, прежде всего с Александром Моисеевичем Пятигорским, и тем, что некоторые из друзей отделились от философии, уйдя в другие области. Я же, напротив, стараясь наверстать упущенное в годы учебы на философском факультете, готов был размышлять о философских проблемах. Он мне охотно помогал в этом, предупреждая однако, что мне не следует погружаться, например, в философию Канта или в индийскую философию. Это должны делать профессиональные философы.

Были и внешние, хотелось бы думать — не случайные — причины для нашего сближения. М. К. Мамардашвили был приглашен Алексеем Николаевичем Леонтьевым для чтения курса лекций «Методологические проблемы психологии» на факультете психологии Московского университета. В результате несколько поколений психологов испытали влияние его необыкновенной личности, получая от его лекций не только интеллектуальное, но и эстетическое наслаждение, воочию наблюдая процесс рождения мысли. Его лекции были и уроками гражданственности. Позднее он говорил, что его «...основная задача — через собственное развитие и просвещение развивать и структурировать определенным образом социальную материю вокруг себя так, чтобы она была дифференцирована и многообразна. Потому что только сложные организмы жизнеспособны»¹. Задачу расширения своего и другого сознания он блестяще выполнял и в лекциях, и в дружеском общении. Не

¹ См. его посмертно опубликованное интервью: Комсомольская правда». 1990. 28 ноября.

только речь, но и все его поведение воспринималось как осмысленный текст: «Звучали шаги как поступки». Праздник духа длился на факультете психологии недолго. Из ректората университета позвонили декану А. Н. Леонтьеву и «доверительно информировали» его о том, что сектор философии ЦК КПСС недоволен лекциями М. К. Мамардашвили, и попросили его уволить. Декан отказался. Тогда ему прислали приказ об увольнении философа, подписанный проректором Хлябичем. Вскоре М. К. Мамардашвили пригласили читать философию во ВГИКе. Леонтьев попросил меня взять его курс. Мамардашвили посоветовал мне согласиться, сказав при этом: не старайся выглядеть философом, будь самим собой и читай, как сможешь. Открывая этот курс, я говорил студентам, что профессор Мамардашвили читал вам максиметодологию, я же буду пытаться вам читать миниметодологию. В течение ряда лет, пока я читал этот курс, я пользовался его консультациями. Этот курс оказался опасным. Забегая вперед, скажу, что и меня со временем уволил (по телефону) новый декан факультета психологии, сменивший А. Н. Леонтьева после его кончины.

Еще одной внешней причиной нашего сближения послужила адресованная мне просьба Александра Романовича Лурии. Неожиданно для многих этот замечательный ученый и обладающий богатым чувством юмора человек, казался бы, закаленный еще в 1930-е годы практикой советской «научной» критики, иногда оканчивавшейся для него увольнением, крайне болезненно воспринял направленную против него статью физиолога М. М. Кольцовой. Просьба Лурии состояла в том, чтобы я ответил ей на страницах журнала «Вопросы философии». Я пытался убедить Александра Романовича, что эта критика ниже порога его различения, как, впрочем, и журнала «Вопросы философии». К счастью, он был непреклонен. Пришлось эту просьбу выполнять. Тогда я, в свою очередь, обратился с просьбой к Мерабу Константиновичу сочинить вместе статью об объективном методе в психологии, а заодно пойти на встречу пожеланиям хорошего человека и ответить Кольцовой. К моей большой радости он согласился, и мы, набросав план статьи, пошли посоветоваться к умному А. Н. Леонтьеву. Как обычно, он с удовольствием принял участие в интриге, внес в наш план некоторые коррективы и дополнения, свободно фантазировал о возможности и необходимости установления новых связей между философией и психологией, сожалел об утрате старых. В конце беседы возникла идея написать статью втроем. Договорились о том, что мы с Мамардашвили реализуем принятый план и принесем первый вариант текста на суд Алексею Николаевичу. Так мы и сдела-

ли. Написали, согласовали друг с другом свои части. Согласование состояло в том, что я пытался сделать написанные им куски более понятными, а он мои куски — более непонятными. С этой работой мы справились не вполне. По отзывам читателей, швы все равно просвечивают в тексте. (Лишь к концу, в последние годы своей жизни М. К. Мамардашвили впал, «как в ересь, в неслыханную простоту». К нашему счастью, он ее не утаил.)

А. Н. Леонтьев прочел статью, ограничился минимумом замечаний, вместе с нами подписал ее, и она была передана в редакцию журнала. Геннадий Сардионович Гургенидзе вскоре прислал нам верстку с просьбой быстро вернуть, так как статья шла в ближайший, апрельский (1977) номер журнала. Вдруг А. Н. Леонтьев звонит нам, призывает к себе и театральным шепотом произносит, что это еще не статья, а материал к статье и над ней самое время начинать работать. Мы оба понимали, что сердиться на него в такие минуты трудно, а главное — бесполезно, — и приняли это как приглашение к общению, которое оказалось довольно длительным. Работали мы у него дома по субботам в течение нескольких недель. Потом мы подсчитали, что работа над статьей, перемежавшаяся беседами на свободные темы, заняла в общей сложности 25–30 часов. Ни о каком быстром возврате верстки не могло быть и речи. Читали статью вслух, подолгу застревая почти на каждой фразе. Каждый тур обсуждения заканчивался ужином, которым угощала нас по-старомосковски хлебосольная Маргарита Петровна — жена Алексея Николаевича. Но всему приходит конец. Мы вновь расписались под статьей. Верстку пришлось перебирать заново. В последний вечер за ужином А. Н. Леонтьев интригуяюще спросил: а какая реакция будет на статью, и на кого она подействует? Мамардашвили ответил вполне буднично: статью замолчат. Никакой реакции на нее не последует, а подействует она на молодежь, которая поймет и примет, что о серьезных вещах можно писать и так.

Статья была возвращена Г. С. Гургенидзе, а через день наш автор позвонил ему и попросил снять свою фамилию. Мотивы этого он не объяснил ни Гургенидзе, ни нам. Спрашивать, а тем более гадать о них мы не стали. Этого не позволяла абсолютная вежливость Мамардашвили. Как бы то ни было, но мы были благодарны А. Н. Леонтьеву за полезные обсуждения, да и за помощь в публикации. Без его имени статья едва ли прошла бы в то время через редколлегия журнала. Это были не пустые опасения. Приблизительно за год до этого Эрик Григорьевич Юдин вместе с редакцией журнала организовал «круглый стол» по теоретико-методологическим проблемам анализа деятельности. Редколлегия

журнала отклонила этот материал. Он был опубликован под редакцией Э. Г. Юдина после его кончины в Трудах ВНИИ технической эстетики (серия «Эргономика», вып. 10, 1976).

Наша статья² вышла в июле 1977 года. Прогноз Мамардашвили полностью оправдался: ссылки на статью встречались только в работах молодых философов и психологов. В одном, пожалуй, он все же ошибся. Статья подействовала на меня, которого лишь с большой натяжкой можно было отнести к числу молодых. Совместная работа с Мамардашвили вовлекла меня в проблематику психологии сознания, с которой я до сих пор не могу расстаться. В своей последней статье³, посвященной его памяти, я использовал его уроки. Вместе с тем я уверен, что если бы он успел ее прочесть, она стала бы лучше, а возможно, стала бы другой.

Наш ответ М. М. Кольцовой в защиту А. Р. Лурии содержался лишь в маленьком подстрочном примечании к статье, сформулированном М. К. Мамардашвили. Приведу его полностью. В статье шла речь о том, что обыденное сознание легче приписывает свойства предметности нейрональным механизмам мозга, ищет в них информационно-содержательное отношение и объявляет предметом психологии мозг... Здесь следовало примечание: «В самое недавнее время подробный и, к сожалению, далеко не оригинальный вывод при всей его нелепости был сделан М. М. Кольцовой»⁴. Александр Романович Лурия успел прочесть статью и был доволен ответом (он скончался спустя месяц, в августе 1977 года).

Не могу не вспомнить еще об одном внешнем обстоятельстве, благодаря которому я получил не только возможность общения с Мамардашвили у него на родине, но и вновь испытать радость от совместной работы с ним. В 1979 году в Тбилиси проходила международная конференция по проблеме «Бессознательное». Она так долго готовилась и столько откладывалась, что я забыл содержание подготовленного для нее доклада, да и утратил интерес к нему. Тем более что он был уже опубликован в первом томе трудов за год до конференции. Незадолго до конференции я предложил М. К. Мамардашвили выступить с совместным докладом. Мы согласовали тему и договорились, что доклад будем готовить в его тбилисском доме. Накануне конференции мы день работали над докладом и успели

² Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.

³ Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.

⁴ Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 1976. Т. XXVI. Вып. 2. С. 235.

его подготовить благодаря помощи и консультации Юрия Петровича Сенокосова, который взял на себя литературную обработку и оформление наших не очень прибранных мыслей. Там же в Тбилиси после доклада наши грузинские друзья, психологи-эргономисты, взяли у нас текст доклада и опубликовали его полностью в сборнике тезисов конференции «Эргономика в системе дизайна» (Боржом, 1979)⁵. Наиболее интересная, принадлежащая М. К. Мамардашвили идея, выраженная в этом докладе, состоит в том, что наличие феноменов бессознательного является непреодолимой преградой для любых форм редукции психического. Волна антипсихологизма, захлестнувшая психологию в начале XX века и не схлынувшая до настоящего времени, не смогла преодолеть эту преграду. Чтобы в этом убедиться, необходимо провести своего рода психоаналитический курс (или эксперимент) над самой психологической наукой, в ходе которого, возможно, удастся расшифровать вытесненные (а точнее, зашифрованные с помощью особой деятельности семиотического переозначивания) идеи, относящиеся к пониманию психического как реального. Ясно, что после вытеснения или зашифровки этих идей возможны и даже необходимы разные формы редукции психического к реальностям любого рода, в том числе и мистическим, вроде демонов и гомункулусов. Такой ход рассуждений был абсолютно чужд Мамардашвили. Он говорил не только о реальности психического, но и о том, что в мысли, в чувстве прежде всего следует видеть проявление бытийной силы (энергии) Сознания. Проблема сознания волновала его, потому что в сознании он всегда видел не только отношение к действительности, являющееся весьма сомнительным фактом, но и отношение в действительности, представляющее собой весьма реальный акт. Столь же серьезно он относился и к проблематике бессознательного, усматривая в нем наличие пластов превращенной (и извращенной) сознательной деятельности, сохраняющих свое влияние и находящих выход в поведении помимо воли и желания субъекта. Многие психологи (не все) тянулись к нему, потому что он, как никто, помогал им обрести себя как психологов, имеющих дело с реальностью, которая ничуть не хуже реальности физической, химической, физиологической и пр., и даже лучше, поскольку она сложнее.

И вдруг источник нашего научного и человеческого оптимизма, человек, помогавший осознать необходимость превращения

⁵ См. также: Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Изучение высших психических функций и эволюция категории бессознательного // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 34–40.

нашего безответственного мира в мир ответственности, где можно называть добро и зло и где понятия «наказания» и «искупления», «греха» и «покаяния», «чести» и «бесчестия» имели смысл, географически отдалился от нас. В 1980 году М. К. Мамардашвили уехал в Тбилиси и стал работать в Институте философии АН Грузии. Тому были разные причины. Официозная Москва опасалась свободы и интеллектуальной избыточности. Она не любила умных и духовно богатых. Кстати, только это и накопил Мамардашвили за всю свою жизнь. Он уходил из Института истории, естествознания и техники АН СССР по тем же причинам, по которым его и раньше уходили из других мест. Были и семейные обстоятельства — болезнь старенькой мамы, живущей в Тбилиси.

Мы с Василием Васильевичем Давыдовым — тогда еще директором Института общей и педагогической психологии АПН СССР и с Владимиром Михайловичем Муниповым — заместителем директора ВНИИ технической эстетики задумались над тем, как продолжить общение М. К. Мамардашвили с московской интеллигенцией. Он ведь давно сам стал неотъемлемой частью культурной Москвы. Решение было простым. Два года подряд НИИОПП и ВНИИТЭ приглашали его для чтения лекций аспирантам институтов. Лекции проходили в переполненной Большой аудитории старого доброго челпановского Института психологии на Моховой. Темы курсов — философия Декарта и философия Канта. Праздник духа продолжался и в годы застоя. Реализации нашего замысла великодушно способствовал и директор Института философии АН Грузии — Нико Зурабович Чавчавадзе.

Эти лекции были замечательны не только своим содержанием, которое к тому же было не всем доступно. Привлекала форма, помогавшая если не понять, то почувствовать содержание творимого на наших глазах. Стыдно признаться, но европейски образованный грузин учил нас русскому языку. Он сам в совершенстве владел особым языково-духовным слухом и презирал идеологизированный воляпюк, на котором нам в молодости рассказывали о философии и заставляли на нем выражать свои мысли. Этот язык, — по словам Мамардашвили, — визжал, в нем были чудовищные, дубовые сочетания из пяти или десяти слов, посредством которых не может выражаться никакой человечески возможный смысл. Он отгораживал нас от всех глубин души человеческой. Духовная раскованность и незамутненный русский язык М. К. Мамардашвили были сродни языку, который мы слышали в докладе и в беседах с Романом Осиповичем Якобсоном на тбилисской конференции по проблеме «Бессознательное». Не случайно М. К. Мамардашвили ценил Ми-

хаила Булгакова за стиль, который нес в себе что-то радостное, радость самого слова, живущего и движущегося по законам слова же.

Нередко после его лекций мы поднимались в кабинет к В. В. Давыдову и обсуждали ситуацию, сложившуюся в психологии, да и в гуманитарной науке в целом. Сейчас обидно вспомнить, что в беседах с ним мы — психологи — жаловались на оскудение психологической культуры, на распространенную в то время недостойную критику наших реальных достижений в области культурно-исторического анализа психики и сознания, на неразвитость науки о человеке и отсутствие целостных представлений о нем. Только теперь мы понимаем, что Мамардашвили олицетворял новое сознание и новое мышление о человеке, проникнутое страстной заботой о его настоящем и будущем. Его волновали не культура и не история сами по себе, а человек в культуре и в истории, — человек, который должен постоянно превосходить себя, чтобы быть самим собой. В этом он видел скрытые предпосылки развития и существования культуры, ее скрытую пружину. Ибо культура не совокупность готовых ценностей и продуктов, лишь ждущих потребления или осознания. Это способность и усилие человека быть...

После снятия В. В. Давыдова праздник кончился. Закрылся и семинар по философским проблемам психологии, который мы вели вместе с ним и участником которого был М. К. Мамардашвили. Пал один из последних оплотов московского научного свободомыслия.

Застой был замечателен отсутствием фатальности и полной безысходности. В начале 1980-х годов неожиданно для философов и психологов был создан Межведомственный совет по проблеме «Сознание». Учредителями Совета были Госкомитет по науке и технике СССР и Военно-промышленная комиссия при Совмине СССР. Председателем Совета был назначен Евгений Павлович Велихов, испытывавший искренний интерес к проблемам сознания. Он ввел Мамардашвили в состав Совета. Открылась еще одна отдушина — семинар по проблемам сознания в Президиуме АН СССР под руководством Е. П. Велихова и ежегодные научные школы по этой же проблеме, проводившиеся в Грузии (Тбилиси, Батуми, Боржом, Телави и т. д.). И в семинаре, и в школах неоднократно участвовал Мамардашвили. Среди участников хотелось бы назвать С. С. Аверинцева, А. В. Ахутину, Н. П. Бехтерева, Б. С. Братуся, М. Н. Вайнцвайга, В. В. Давыдова, В. Л. Деглина, В. С. Гурфинкеля, В. В. Иванова, В. Ж. Келле, Ю. М. Лотмана, Ю. И. Манина, В. И. Медведева, М. А. Мокульского, Н. Л. Мухелишвили — ученого секретаря Со-

вета и организатора наших поездок в Грузию, Ю. П. Сенокосова, Л. И. Спивака, Н. З. Чавчавадзе, Ю. А. Шрейдера. Работал действительно междисциплинарный и в высшей степени профессиональный коллектив. Однако философское видение проблематики сознания, его гносеологии и особенно онтологии в наибольшей мере присутствовало в докладах Мамардашвили. Его интерес к онтологии сознания делал его настоящим философом. В своем философствовании он шел не от гносеологии к реальности, а от мира, от его суровой реальности к оценке любого философствования, будь оно традиционным, классическим или современным. Особенно нетерпим он был к любым предвзятым схемам, порожденным самозванцами мысли. Его собственное философствование всегда было органично, естественно и очень лично. Он обнажал истоки и корни социальной мифологии и алхимии, изменивших сознание ученых и пронизывающих до мозга костей общественную и гуманитарную науку, показывал предельную глупость и трагичность возникшей в XX веке идеи формирования «нового человека», «новой морали». Эта идея вытеснила «старое» знание о человеке, в частности то, что человек может и должен формировать себя самолично. Без этого он утрачивает свое человеческое лицо. Реализация идеи формирования нового человека привела, — по словам Мамардашвили, — к максимальной неразвитости набора человеческих лиц и характеров, с которыми мы имеем дело. Такая неразвитость в сочетании с военной и технической мощью может стать причиной антропологической катастрофы. Было бы неверно думать, что его волновали лишь глобальные проблемы современности. Он заботился (и мечтал) о достойной человека микроскопии социальной и культурной жизни, о воссоздании ее естественности, богатства и чувства свободы, которые никогда не изменяли ему самому, несмотря на любые внешние обстоятельства. В этом он видел цель и смысл универсальной борьбы человечества за свободы — борьбы, к которой мы присоединяемся с таким опозданием. И, возможно, потому с таким озлоблением.

Его доклады и лекции никогда не были изложением, а всегда — размышлением. Мы осязали звучащую и говорящую плоть его мысли, лицезрели процесс его мышления *in status nascendi*, то есть в моменты возникновения мыслей, порой неожиданных для него самого. Приятно было наблюдать, с какой радостью он мыслил и с каким пристрастием Мастера сам наблюдал за своим мышлением, являя собой живое опровержение постулата У. Джеймса о невозможности совмещения того и другого. Возможно, секрет состоит в том, что акты его мысли одновременно были актами его личного действия. Это было «поступающее мышление» (выраже-

ние М. М. Бахтина), а поступок — это не только продукт сознания, но и предмет осознания. Потому что поступок всегда от лица и перед лицом, говорил Мамардашвили.

Сейчас многое из того, что он говорил в своих лекциях и докладах, опубликовано им самим. Оно уже существует в культуре и потому необратимо. Еще больше предстоит опубликовать его друзьям и коллегам. К счастью, у Ю. П. Сенокосова, да и у многих других, имеется богатая фонотека его публичных выступлений. Слушая их, мы будем вспоминать его слова о том, что философия — это сознание вслух, а сознание — это страсть. Поэтому слово для М. К. Мамардашвили всегда было больше, чем действие, акт. Оно было работой, ремеслом. Казалось, он всегда знал, помнил, что философия, как и поэзия, прежде чем стать делом, искусством письменным, была искусством устным. Он никогда не проповедовал, а свободно, без видимых усилий следовал неизбежности мысли, мужеству невозможного, понимая под этим волю и верность судьбе, своей «планиде»: «А планида наша — мастеровой труд, в себе самом исчерпывающееся достоинство ремесла, “пот вещи”, на совесть сработанной. Сказав это, я чувствую, насколько это похоже на клятву Мандельштама “четвертому сословию”. Поэтому то же самое, что я сказал о философах, гораздо поэтичнее можно сказать его же, Мандельштама, словами: “Как пехотинцы мы умрем, но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи”»⁶.

Настоящие субъективные заметки не претендуют на рассказ о научной биографии философа, на характеристику подлинного масштаба его личности, реализованной им в виде уникальных по своей естественности мысли и бытия. Его научное и духовное наследие предстоит еще осваивать и развивать.

В заключение поделюсь еще одним воспоминанием. Во время наших встреч у Леонтьева, Алексей Николаевич как-то спросил: с чего начался человек? Мераб не задумываясь, ответил: с плача по умершему. Никогда не думал, что мне и всем, кто его знал и любил, придется плакать по нем. Как сказал Тициан Табидзе: «И свистящий ноябрь запечатал двери».

1991

* * *

В моих отношениях с Мерабом Мамардашвили тесно переплелись дружба и не сразу осознанное мной ученичество. Дружба с ним — одна из самых больших ценностей, хранящихся в моей душе, а

⁶ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 199.

ученичество пробудило во мне до сих пор не угасающий интерес к психологической проблематике сознания, который он деликатно поддерживал. Одной из самых больших ценностей в структуре его сознания была светлая радость *честной* мысли. Радостью Мераб называл чувство необратимой исполненности смысла, которым он щедро делился с многочисленными слушателями. Нужно сказать, что радость довольно странная, так как Мераб рассматривал акт думания как часть испытания нами нашей судьбы, а жуткий труд мысли уподоблял аду. Теперь-то мы знаем, чего ему стоили эта радость и его «сознание вслух». К нему вполне можно отнести слова любимого им Осипа Мандельштама:

Видно даром не проходит
Шевеленье эти губ.

В одной из своих лекций Мамардашвили говорил, что он рассматривает художественную литературу и поэзию как экспериментальную психологию. Я откликнулся на это сначала брошюрой «Возможна ли поэтическая антропология?», а затем книгой «Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили». В последней я использовал размышления поэта и философа в качестве эвристик для решения некоторых психологических проблем. Потом, как мне кажется, я сделал следующий шаг (и да простят меня философы) стал рассматривать философию как экспериментальную психологию мышления и сознания. В конце концов, добротные психологические эксперименты есть дело мысли, а опыт истории психологии говорит о том, что многие из них задумывались философами.

2011

Комментарий психолога к *трудам и дням* Георгия Петровича Щедровицкого

Глашатай Больших Проблем

Георгий Петрович Щедровицкий принадлежал к так называемым решателям проблем и делателям решений. Вся его жизнь была направлена на то, чтобы увеличить число людей, умеющих профессионально, разумно и ответственно обращаться с проблемами и осуществлять решения, какими бы эти проблемы ни были, научными или практическими. Одна из рекомендаций Г. П. Щедровицкого (возможно, наивная) будущим решателям проблем состоит в том, чтобы *на себя оборотиться* — на свое собственное мышление, на свою собственную деятельность, а главное — понять мышление и деятельность как идеальные объекты, понять универсум мыследеятельности. Это очень трудная и очень полезная, хотя и с негарантированным результатом, работа. Ей нужно было учить и учиться самому. Привлечению единомышленников и расширению их круга, несомненно, способствовал его буйный научный темперамент, незаурядный педагогический талант и организаторские способности. Не последнюю роль играли сознание своей миссии и уверенность в себе. Что касается его организаторских талантов, то, с современной точки зрения, он был какой-то почти неправдоподобный *child-manager* — чистый, совестливый и бескорыстный. Его педагогический талант не был лишен лукавства, которое тонко подметил А. М. Пятигорский, описывающий свои первые подростковые опыты философствования («мыследеятельности») во взрослом сообществе: «Да очень просто, — отвечал я, предвосхищая в этом вступительном обороте ораторскую манеру моего будущего друга, мэтра московских методологов Георгия Петровича»¹. Иллюзия простоты и понятности в сочетании с ора-

¹ Пятигорский А. М. Философия одного переулка. М., 1992. Цит. по электронной версии: <http://www.shkp.ru/lib/archive/lect/11/1/copy_of_1>